РОДИНА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ СЕМЕЙНАГО ЧТЕНІЯ

№ 18. 1-го Мая 1905 г. XXVII-й годъ изданія

Редакція, главная контора и отдѣленіе:
С.-ПЕТЕРБУРГЪ. 1) Лиговская, соб. д., № 114. 2) Садовая ул., домъ № 20.

ИЗДАНІЕ А. А. КАСПАРИ.

Отдѣленіе главной конторы „РОДИНА“:
МОСКВА. Петровскія линіи, противъ гостиницы „Россія“, магазинъ № 12.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЗА ГОДЪ: Безъ доставки въ С.-Петербургѣ **5** р. | Съ доставкой въ С.-Петербургѣ **5** р. **50** к. | Безъ доставки въ Москвѣ **5** р. **25** к. | Съ пересылкой по всей Россіи **6** р. | За границу **10** р.

Съ пересылкой по всей Россіи за 6 мѣсяцевъ **3** р., за 3 мѣсяца **1** р. **50** к., на 1 мѣсяцъ (безъ приложен.) **50** к.

Разсрочка допускается: при подпискѣ **2** р. 1-го марта—1 р., 1-го іюня—1 р., 1-го августа—1 р. и 1-го сентября—1 р.

ЛЮБЪ-ТРАВА.

Историко-бытовой романъ
графа Е. А. Саліаса.
(Продолженіе.)

И затѣмъ, растолковавъ сестрѣ, что такое колдовство и какія творятся злодѣйскія дѣла всякими колдунами и колдуньями, Антонъ Тихоновичъ вдругъ спросилъ:

— Да когда-же ты успѣла княгинѣ сунуть эту самую-то травку подъ подушку? Ты и въ домѣ-то не была.

— Была, — отозвалась тихо и робко Анна Тихоновна.

— Какъ была?

— Была.

— Да когда-же? я не видѣлъ. Ты который ужъ день изъ комнаты не выходила.

— Выходила, — точно такъ-же тихо и такъ-же робко отозвалась Завьялова.

— Неправда это, матушка! — заявилъ Никуша, — и я знаю, никуда ты не отлучалась изъ своихъ комнатъ вотъ ужъ около недѣли. Не могла ты положить эту травку княгинѣ.

Анна Тихоновна молчала.

— Что-же молчишь? говори! — спросилъ Завьяловъ.

— Говорю, положила.

— Да лжешь ты! Съ чего-же ты теперь берешь это на себя?

— Не беру, а воистину говорю.

— Нѣтъ, матушка! — вступился Никуша, — не выходила ты и класть не могла, я—за это порука. Развѣ кому дала это сдѣлать?

— Замолчи ты! — вдругъ встрепенулась и вскрикнула Завьялова, какъ никогда еще не кричала на сына.

Наступило молчаніе. Антонъ Тихоновичъ, наконецъ, развелъ руками и выговорилъ:

— Диковинно! все диковинно! и колдованіе въ домѣ диковинно, да и то, что ты это колдованіе на себя берешь, что

ВЪ ОДИНОЧЕСТВѢ. Оригин. рис. **Г. Бролинга**; гравир. для „Родины“ **Б. Пуцъ**.

якобы ты ходила да клала эту травку, тоже диковинно. Побожись, что это ты клала!

— Да, конечно! — воскликнулъ Никуша. — Побожись, матушка, что ты...

Анна Тихоновна снова молчала, но затѣмъ выговорила:

— А если и давала кому, то растерзай меня на части, а въ этомъ я не сознаюсь.

— Такъ тогда лучше и молчи. Мы трое и будемъ знать. А, избави Богъ, кто другой узнаетъ, бѣда! тебя въ сыскной приказъ потащатъ, а тамъ заговоришь, тамъ выпытаютъ у тебя живо, кому ты травку давала. И вотъ тотъ человѣкъ и улетитъ въ Сибирь, да еще поставятъ ему клейма на лбу и на двухъ щекахъ, да и плетей онъ получитъ не мало. Ужъ лучше молчи.

Кончилось тѣмъ, что Анна Тихоновна на увѣщанія брата и сына обѣщалась молчать и самой себя не выдавать.

„Согрѣшила, дѣлать нечего“,— мысленно рѣшила Завьялова, — а признаться, значитъ, погубить совсѣмъ невинныхъ. Я—главная виновная, потому что сама надумала это, а для судей главный виновный будетъ тотъ, кто сдѣлалъ. А сдѣлалъ-то кто? Помилуй Богъ! при одной мысли умъ за разумъ заходитъ“.

Послѣ второго приступа болѣзни, когда княгинѣ стало снова гораздо лучше, въ домѣ снова всѣ успокоились и день прошелъ мирно.

На третій день послѣ роковой находки Елизавета Давыдовна, которая отлучалась отъ своей барыни, пришла въ гости къ Аннѣ Тихоновнѣ. Разумѣется, разговоръ зашелъ о главномъ событіи въ домѣ. Хитрая Лисафа, конечно, тотчасъ-же увидѣла, въ какомъ нравственномъ состояніи находится Завьялова, и она, описавъ подробно, какъ княгиня хворала, какъ второй приступъ былъ много хуже перваго, прибавила, какъ теперь надо ждать, что въ третій разъ захвораетъ княгиня и, пожалуй, тогда и совсѣмъ помретъ.

— Что вы? — ахнула Анна Тихоновна.

— Вѣрно вамъ сказываю, да и Карлъ Иванычъ мнѣ сказалъ, что эдакая хворость особливая и что ее лечить нельзя. Въ колдовскомъ дѣлѣ ни знахари, ни ученые доктора помочь не могутъ. Если въ третій разъ княгиня и не помретъ, то все-таки будетъ на нее все то-же находить изо дня въ день и изведетъ ее до могилы. Есть только одно средство, но самое мудреное. А знаете-ли, какое?

— Какое? — робко произнесла Завьялова.

— А чтобы тотъ самый человѣкъ, который колдовалъ, пошелъ и повинился и на этотъ заговоръ далъ отговоръ. А, покуда человѣкъ будетъ таиться, княгинѣ будетъ все хуже да хуже.

И Лисафа увидѣла, что лицо Анны Тихоновны сильно измѣнилось. Башкирова простилась довольная.

„Небось, — думалось женщинѣ, — я тебя доведу до того, что сама пойдешь да бухнешься княгинѣ въ ноги. Такая блаженная, какъ ты, не берись за эдакое дѣло. Я вотъ троихъ человѣкъ прирѣжу и промолчу, а ты цыпленку ножку камешкомъ подшибешь и побѣжишь каяться“.

Разумѣется, Лисафа была убѣждена, что при слѣдующемъ приступѣ хворости у княгини „блаженная“ тотчасъ побѣжитъ къ княгинѣ дать отговоръ на заговоръ или отворотъ на приворотъ однимъ лишь своимъ сознаніемъ.

На другой день Елизавета Давыдовна снова пришла въ гости къ Завьяловымъ. Ей хотѣлось видѣть, въ какомъ нравственномъ состояніи находится женщина. Если она замѣтитъ, что Анна Тихоновна совершенно спокойна, не мучима совѣстью, то тогда надо ковать желѣзо, пока горячо, не надо ей давать вполнѣ успокоиться. Напротивъ, надо будетъ ее напугать и заставить опрометью бѣжать къ княгинѣ съ сознаніемъ.

Но на этотъ разъ умная и дьявольски-лукавая Лисафа была поражена одною мелочью, которую совершенно случайно узнала изъ разговора съ Завьяловымъ и Никушей. Разумѣется, при другомъ стеченіи обстоятельствъ Башкирова могла-бы подумать, что братъ и сынъ выгораживаютъ Анну Тихоновну, но такъ какъ они, по ея мнѣнію, ничего не знали, конечно, изъ того, что хорошо знала она, Башкирова, то имъ не было и нужды выгораживать Завьялову. Случайно въ разговорѣ Никуша сказалъ Лисафѣ, что его мать въ послѣднее время цѣлую недѣлю не выходила изъ своихъ комнатъ, такъ какъ чувствовала себя немного слабой. Лисафа повѣрила сразу, удивилась, и, главнымъ образомъ, удивилась тому, какъ ей ранѣе не пришло это на умъ. Дѣйствительно, она сама вспомнила, что Анна Тихоновна изъ комнатъ не выходила и въ верхній этажъ не поднималась. Стало быть, не она клала травку. Кто-же вмѣсто нея клалъ? Во всякомъ случаѣ, весь коварный планъ ея сразу какъ-будто рухнулъ.

Это открытіе настолько подѣйствовало на Башкирову, что она взволновалась, пожалуй, еще болѣе, чѣмъ наканунѣ волновалась сама Завьялова. Она ясно понимала, что женщина, просидѣвшая это время у себя, поручила положить травку кому-нибудь другому, и, конечно, кому-нибудь изъ горничныхъ. Женщина была не менѣе виновата, но дѣло все-таки принимало другой оборотъ. Главной виновницей будетъ горничная-дѣвка, которую разыщутъ, которая покажетъ на Анну Тихоновну, а Завьялова можетъ отпираться и говорить, что на нее поклепъ.

„Вотъ и не радуйся прежде времени“, — подумала Башкирова.

И, просидѣвъ очень мало времени у Завьяловыхъ, она ушла къ себѣ и раздумывала дорогой: какъ быть, какъ поправить дѣло? Она рѣшила снова побывать у Анны Тихоновны, поговорить съ нею наединѣ и убѣдить ее, что главный виновный — не тотъ, кто клалъ, а кто злодѣйство надумалъ.

Между тѣмъ, строжайшій сыскъ начался. Черезъ каждые три-четыре дня арестовывали и брали изъ дому Ягузинскихъ кого-нибудь изъ дворовыхъ людей. Нѣкоторыхъ отпускали, другихъ оставляли въ тюрьмѣ приказа. Понемногу число взятыхъ и не отпущенныхъ снова дошло до двадцати человѣкъ. Тѣ счастливцы, которыхъ послѣ допроса и легкой пытки отпускали домой, разсказывали про своихъ пытанныхъ сильнѣе.

Однажды одинъ изъ отпущенныхъ молодыхъ буфетчиковъ принесъ вѣсть, что истопника княгини пытали уже два раза, а во второй разъ такъ жестоко, что онъ при смерти. Черезъ нѣсколько дней кто-то изъ взятыхъ и тотчасъ отпущенныхъ принесъ вѣсть, что истопникъ померъ, а наканунѣ жестоко пытали дѣвченку, служившую при опочивальнѣ княгини, и что она не въ себѣ, отъ страха или отъ пытки ума лишилась.

Этотъ слухъ, перепугавшій весь домъ, убѣдилъ всю дворню, что начались жертвы и что не нынче-завтра всякій можетъ ожидать своего череда быть пытаннымъ, быть на дыбѣ и, во всякомъ случаѣ, подъ кнутомъ. Всѣ пріуныли.

Когда слухи о смерти истопника и о сумасшествіи дѣвченки дошли до Анны Тихоновны, она за-

лилась слезами и затѣмъ позвала Никушу и объявила ему:

— Больше не могу! Не хочу я, чтобы изъ-за меня страдали невинные. Господь меня наказываетъ за это. А такъ какъ я старая да мнѣ ничего и не нужно самой, то накажетъ онъ меня въ родномъ. Ты — мое одно сокровище и вотъ Господь Богъ меня въ тебѣ и накажетъ, приключится съ тобой что-нибудь худое. И вотъ, чтобы тебя спасти, я пойду и княгинѣ во всемъ признаюсь, чтобы сыскъ прекратился.

Никуша вскрикнулъ, бросился къ матери, потомъ сталъ предъ ней на колѣна, сталъ цѣловать у ней руки, а затѣмъ и самъ расплакался.

— Матушка! ради Создателя, не ради меня, не выдавай себя. Вѣдь, тебя тоже въ приказъ возьмутъ, тоже пытать будутъ. Ты не вытерпишь, помрешь. Что-же тогда будетъ? Я утоплюсь!

— Нѣтъ, нѣтъ! не могу! ты на свой ладъ понимаешь, а я на свой. Меня Богъ накажетъ за утайку и накажетъ въ тебѣ. Княгиня меня проститъ и въ сыскной приказъ не отправитъ. Зато всѣхъ невинныхъ освободятъ.

Никуша выбѣжалъ въ сосѣднюю комнату, позвалъ дядю на помощь и оба стали уговаривать женщину не губить себя зря.

— Никогда она тебя не проститъ, — заявилъ Завьяловъ, — не такая она. Ее всѣ заставятъ, говоря, что если виновный окажется и будетъ наказанъ, то она выздоровѣетъ, а коли не будетъ наказанъ, то такое колдовство навѣки вѣчные и пойдетъ, покуда она не помретъ.

— Нельзя-же, чтобы княгиня хворала, а безвинные изъ-за меня страдали, — повторила Анна Тихоновна, заливаясь слезами.

— Ничего тутъ подѣлать нельзя, сестрица. Ну, что-же дѣлать? набѣдовала и молчи. А все-таки пойми одно: не отъ твоей травки княгиня болѣетъ, а такъ сама по себѣ. Ты зря себя подведешь, замучаютъ тебя, запытаютъ и все-таки она хворать будетъ.

И такъ какъ Анна Тихоновна продолжала стоять на своемъ, то Никуша вдругъ нашелся и вымолвилъ:

— Ну, а я и дяденька подъ присягу пойдемъ, хоть въ соборѣ при колокольномъ звонѣ... на все пойдемъ! А будемъ мы оба повторять, что ты изъ своей горницы не выходила, когда надъ княгиней было колдовство. Коли травка была положена подъ подушку, такъ ужъ никакъ не тобой. А если она была у тебя въ рукахъ, то ты ее кому-нибудь передала. Вотъ мы и будемъ говорить, чтобы искали того, кто у тебя ее взялъ и положилъ. Вотъ тогда этого самаго человѣка и притянутъ.

— А я не скажу, кто, — отозвалась Анна Тихоновна.

— Ага! попалась! — заоралъ Завьяловъ, — попалась! Сознаешься, что есть такой человѣкъ, что не сама клала травку! Вотъ и это мы съ Никушей скажемъ, что ты обѣщалась намъ не называть, кому ее дала.

XXXVI.

Послѣ новаго приступа болѣзни, болѣе сильнаго, чѣмъ предыдущіе, княгиня вполнѣ увѣровала въ разсужденія своей любимицы Лисафы. А Лисафа повторяла все то-же: пока не будетъ разысканъ виновникъ, пока не сознается въ своемъ колдовствѣ, до тѣхъ поръ княгиня не поправится, а будетъ все хворать сильнѣе и сильнѣе, пока не кончится бѣдой.

Одновременно умный и, вмѣстѣ съ тѣмъ, самолюбивый, упорный нѣмецъ Зонстъ бѣсился отъ мысли, что кто-то балуется надъ княгиней, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и ставитъ его не только въ глупое положеніе, но, въ извѣстномъ смыслѣ, и крайне невыгодное. Не пройдетъ мѣсяца, и во всей Москвѣ будутъ говорить, что знаменитый докторъ Зонстъ—не очень-то искусный докторъ, такъ какъ не можетъ помочь княгинѣ Ягузинской. Будь больная менѣе видная личность въ Москвѣ, то, конечно, ея хвораніе прошло-бы незамѣтно, но теперь во всей Москвѣ, среди всего дворянства только и было толковъ о томъ, что княгиня болѣетъ, а знаменитый докторъ Зонстъ, очевидно, ничего не смыслитъ.

Хотя княгиня сначала изъ суевѣрія строго приказала, чтобы никто ничего о колдовствѣ по Москвѣ не распускалъ, но, разумѣется, въ домѣ, который былъ переполненъ дворней, тайна не могла долго укрыться. Сначала въ сосѣдствѣ, въ томъ-же кварталѣ, а затѣмъ черезъ недѣлю и по всей Москвѣ уже разсказывали и, конечно, на разные лады, какъ княгиня подверглась колдовству. Тѣ, которые вѣрили въ силу колдовства, говорили, конечно, что нѣмецъ-докторъ въ этомъ случаѣ и помочь не можетъ: „гдѣ-же ему съ самимъ сатаною бороться?“, а тѣ — немногіе, конечно,—которые въ силу травъ и корешковъ колдовскихъ не вѣрили, говорили, что мало-ли на свѣтѣ мудреныхъ болѣзней, и совѣтывали княгинѣ обратиться къ другому доктору.

И однажды Карлъ Ивановичъ Зонстъ, пріѣхавъ нечаянно къ Ягузинскимъ, встрѣтилъ другого врача и, вдобавокъ, своего давнишняго врага, тоже нѣмца, Ѳедора Ѳедоровича Клюге. Коллеги поздоровались очень мирно, причемъ Клюге немножко иронически усмѣхнулся, а Зонстъ былъ взволнованъ.

Княгиня объявила, что кстати проситъ обоихъ врачей посовѣтываться вмѣстѣ.

Зонстъ разсказалъ коллегѣ, какъ шла болѣзнь княгини, начавшаяся якобы отъ колдовской травки. Оба нѣмца, конечно, согласились въ томъ, что колдовства никакого быть не могло, а что это — просто случайное совпаденіе между ея болѣзнью и находкой травы подъ подушкой.

Зонстъ заявилъ, что онъ отказывается отъ леченія и передаетъ больную съ рукъ на руки доктору Клюге, но все-таки считаетъ долгомъ совѣсти предупредить коллегу, что тотъ княгини не вылечитъ, что черезъ нѣсколько дней съ ней можетъ повториться опять то-же самое, и такъ безъ конца. При этомъ Зонстъ прибавилъ:

— Когда съ княгиней будетъ еще нѣсколько припадковъ и она, дѣйствительно, начнетъ уже слабѣть отъ нихъ и когда вы откажетесь вылечить больную или она перемѣнитъ васъ на третьяго доктора, тогда я явлюсь самъ и объявлю и княгинѣ, и вамъ, и прочимъ настоящую причину ея болѣзни.

— Стало быть, вы ее знаете? — спросилъ Клюге.

— Очень хорошо знаю.

— Такъ, если вы знаете, вы можете и вылечить.

— Нѣтъ. Причину болѣзни знаю и на время помочь могу, а вылечить лекарствомъ невозможно ни мнѣ, ни кому-либо другому.

На просьбу княгини, а затѣмъ и Клюге объясниться болѣе точно, Зонстъ отвѣтилъ полной невозможностью. Но затѣмъ онъ вдругъ обратился къ Клюге на своемъ родномъ языкѣ:

— Mein lieber Herr! дайте мнѣ честное слово, что все, что я вамъ скажу, останется между нами, а во-вторыхъ, что вы откажетесь лечить княгиню.

— Извольте, даю честное слово,—отвѣтилъ Клюге также по-нѣмецки.

— Такъ слушайте! Между колдовствомъ и болѣзнью княгини есть нѣчто общее, но совершенно особаго рода. Среди ея домашнихъ есть какіе-то негодяи, которые стремятся къ какой-то мнѣ неизвѣстной цѣли. Ей подложили какую-то травку, а, чтобы убѣдить ее, что эта травка есть колдовство и на нее, дѣйствительно, дѣйствуетъ, ее аккуратно черезъ промежутокъ въ нѣсколько дней чѣмъ-то отравляютъ, т. е., даютъ ей что-то такое, отъ чего у нея снова начинаются колики. Каждый разъ я ей помогаю и очень быстро, потому что ей даютъ что-то болѣе или менѣе невинное. И черезъ нѣкоторое время, когда она оправится, ей снова даютъ то-же снадобье и она опять хвораетъ. Объяснить ей это я не хочу, да и не могу, и, вѣроятно, вы догадаетесь почему.

Изумленный Клюге долго глядѣлъ въ лицо товарища и затѣмъ выговорилъ:

— Но почему-же вы не можете открыть ей глаза?

— Вы это говорите, мой милый коллега, — отвѣтилъ Зонстъ, — потому, собственно, что вы моложе меня, неопытны и не знаете россійскихъ нравовъ и законовъ. Я — слишкомъ добрый человѣкъ, чтобы предложить вамъ воспользоваться моей догадкой, объявить, что вы беретесь вылечить княгиню и въ то-же время заявить о томъ, какъ-бы отъ себя, что ее опаиваютъ. Хотите знать почему?

— Да, признаюсь, — отвѣтилъ Клюге, — потому что я совершенно не понимаю, почему вамъ нельзя прямо заявить о томъ, что есть около нея какіе-то негодяи.

— Очень просто, дорогой товарищъ! Начнется дѣло объ отравленіи, допросы, судейскіе крючки и, въ концѣ концовъ, я или вы будемъ притянуты этими крючками къ волокитѣ сыскного приказа и пострадаемъ непремѣнно. Виновный, быть можетъ, и не будетъ найденъ, или будетъ найденъ и наказанъ совершенно невинный, но докторъ пострадаетъ тоже. Во-первыхъ его, какъ чужеземца, могутъ на допросахъ начать пытать или-же заставятъ его откупиться, а то откупаться безконечное число лѣтъ. И, наживъ здѣсь, въ Россіи, какіе-нибудь маленькіе капиталы на старость, можно быть увѣреннымъ, что всѣ они уйдутъ въ карманъ приказныхъ крючковъ.

— Да, это — другое дѣло, — выговорилъ Клюге. — Понимаю. Во всякомъ случаѣ, — продолжалъ онъ, помолчавъ, — я сейчасъ ей скажу, что я вылечить ее не берусь, такъ какъ вы, болѣе искусный докторъ, чѣмъ я, и то не можете. Но, однако, что-же сдѣлать? Вѣдь, нельзя-же бѣдную женщину оставлять въ рукахъ этихъ тайныхъ интригановъ! Вѣдь, они ее могутъ довести до настоящей болѣзни!

— Объ этомъ мы съ вами побесѣдуемъ отдѣльно у васъ или у меня, — отвѣтилъ Зонстъ.

Клюге поднялся, протянулъ руку товарищу-доктору и въ эту минуту два врага стали друзьями.

Клюге заявилъ княгинѣ на своемъ плохомъ, ломанномъ языкѣ, что онъ не берется вылечить ее, если такой знаменитый докторъ, какъ г. Зонстъ, ничего сдѣлать не можетъ. Княгиня при этомъ тотчасъ-же заплакала и выговорила:

— Что-же мнѣ, стало быть, умирать?

Зонстъ сталъ утѣшать княгиню и заявилъ, что черезъ дня два или три онъ ей скажетъ навѣрно, можетъ-ли онъ ее вылечить, а покуда даетъ ей слово, что увѣренъ въ успѣхѣ.

Черезъ нѣсколько минутъ Клюге уѣхалъ, а Зонстъ объявилъ Башкировой, что хочетъ еще разъ повидать колдовскую травку, и они вмѣстѣ отправились во флигель. Но едва только женщина вошла къ себѣ и хотѣла доставать траву, которая была у нея спрятана въ комнатѣ, Зонстъ нетерпѣливо махнулъ рукой и сказалъ:

— Оставьте, дѣло не въ этомъ. Присядьте.

Когда Елизавета Давыдовна, болѣе волнуясь, чѣмъ удивляясь, сѣла противъ доктора, онъ выговорилъ, упорно глядя ей въ лицо:

— Извольте меня послушать. Вы — женщина умная и притомъ ближайшее лицо къ княгинѣ, поэтому я считаю нужнымъ вамъ сказать то, что я подозрѣваю, о чемъ я догадываюсь. Впрочемъ, скажу иначе, не то, что я подозрѣваю, а въ чемъ я совершенно увѣренъ. Княгиня не больна, не говоря уже о томъ, что эта трава и колдовство — отчаянный вздоръ, баловничество, но и, помимо этого колдовства, княгиня совершенно здорова. Такъ, какъ она болѣетъ, можете начать болѣть и вы сами-же, могу начать болѣть и я. Излечить нѣтъ никакой возможности, потому что когда поможешь, то черезъ нѣкоторое время является снова то-же самое. И знаете-ли вы почему?

— Никакъ я это знать не могу, — отвѣтила Башкирова, но не своимъ обыкновеннымъ голосомъ, а болѣе тихимъ.

— Я вамъ это сейчасъ объясню. Княгиню очень аккуратно и очень дерзко опаиваютъ. — Зонстъ, говоря это, пристально присмотрѣлся къ лицу женщины и увидѣлъ, что она слегка смутилась. — Кому-то нужно, сударыня, княгиню опаивать, и зачѣмъ, собственно, конечно, я знать не могу. Такъ какъ вы — ближайшее лицо къ ней, то вы, именно, и можете пострадать болѣе всѣхъ.

— Я-то тутъ при чемъ-же? — воскликнула Елизавета Давыдовна, какъ-бы оскорбляясь.

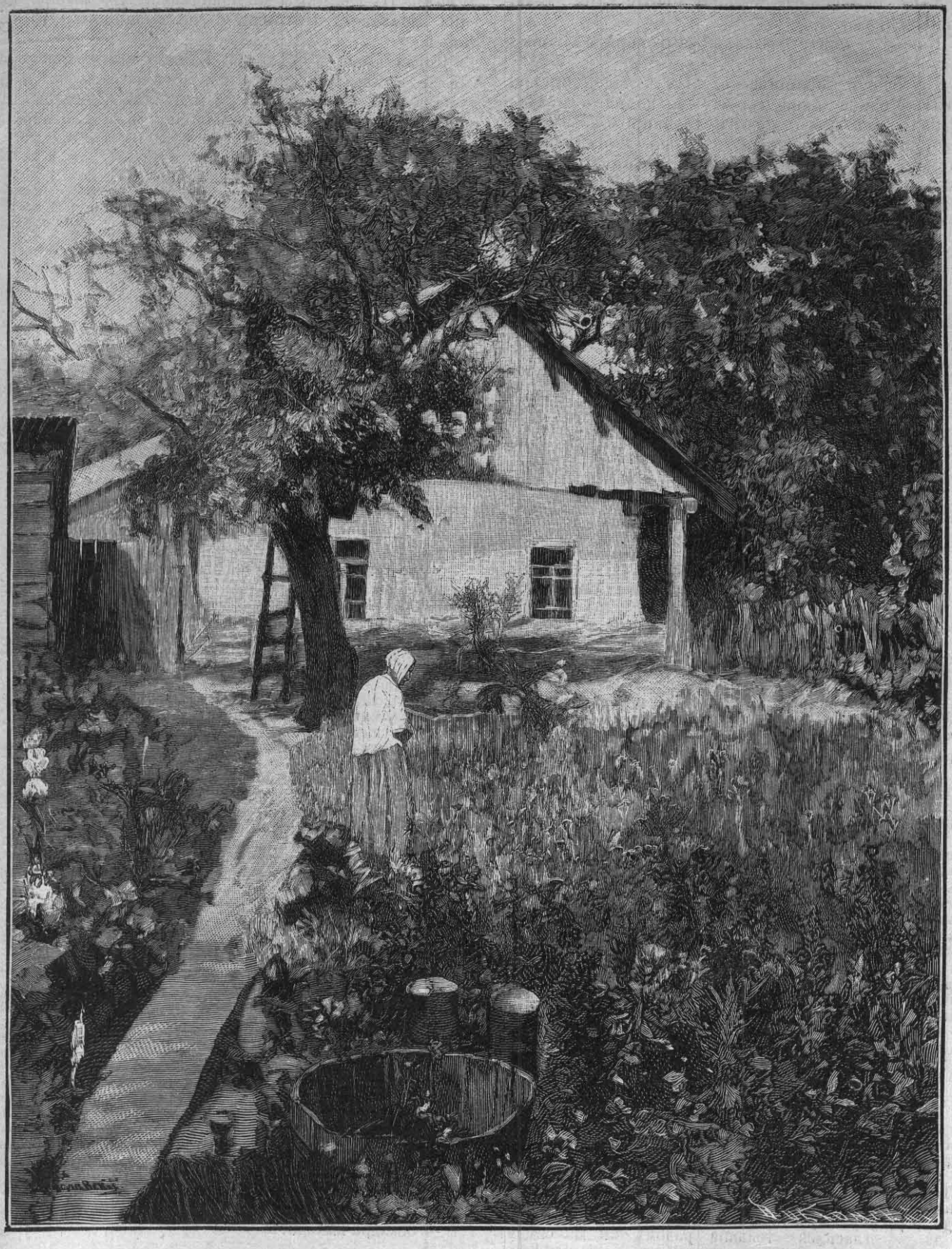
— А я вотъ говорю, что вы окажетесь наиболѣе виноватой, — еще громче и рѣзче выговорилъ Зонстъ. — Вы должны знать, что вы ей даете. А не знаете, откуда идетъ это пойло, такъ устранитесь, а то вы-же попадете въ отвѣтъ. А доказательство того, что княгиню опаиваютъ, у меня будетъ. Хотите знать, какое?

Елизавета Давыдовна промолчала, скосивъ глаза въ сторону и не глядя на доктора.

— При первомъ новомъ заболѣваніи княгини я ей заявлю то, что вотъ сказалъ, что колдовства никакого нѣтъ, а есть стряпня негодяевъ, и что ее отравляютъ. А въ доказательство я попрошу у нея позволенія переселиться сюда на жительство въ домъ, постоянно быть при ней и перемѣнить всѣхъ ея ближайшихъ слугъ, избрать только троихъ: одного повара, одну горничную и кого-нибудь вмѣсто васъ. Этимъ тремъ лицамъ я заявлю, что въ случаѣ, если княгиня заболѣетъ опять, то ихъ трехъ сейчасъ-же отправятъ въ сыскной приказъ и будутъ пытать о томъ, что они подкладываютъ въ пищу или въ питье. Кажется, дѣло простое. Поняли-ли вы меня?

— Поняла, — отозвалась Елизавета Давыдовна. — Но только не понимаю, почему вы это думаете? Кто-же пойдетъ на эдакое дѣло? У насъ въ домѣ такихъ изувѣровъ нѣтъ. Нашелся только одинъ, который пошелъ на колдовство, а на эдакое, чтобы княгиню опаивать, я увѣрена, никто не пойдетъ.

— Все это, госпожа Башкирова, ненужныя слова! — разсердился Зонстъ. — Все, что вы будете говорить, я пропущу мимо ушей, какъ если-бы вы ничего не говорили. Я остаюсь при своемъ и, чтобы вы не забыли, повторю вамъ снова: какъ только снова на тотъ-же ладъ заболѣетъ княгиня, хоть завтра, хоть черезъ три дня, черезъ недѣлю, хотя-бы даже черезъ мѣсяцъ, я ей объясню, что надъ ней творится, и предложу ей или окружить себя только тремя лицами подъ моимъ надзоромъ, или, еще того лучше, переѣхать къ знакомымъ на квартиру.



ВЪ СВОЕМЪ САДУ. Съ картины **С. Свѣтославскаго** гравир. для „Родины“ **В. Цехомскій.**

И, посидѣвъ нѣсколько мгновеній молча, Зонстъ всталъ, положилъ Елизавефѣ Давыдовнѣ руку на плечо и выговорилъ:

— Такъ какъ-же-съ? Условіе между нами заключено или нѣтъ?

— Какое? — почти нахально выговорила Башкирова.

— Вы еще и спрашиваете? Ну, что-же, хорошо, я отвѣчу. Условіе наше такое, — и, поднявъ руку и грозя пальцемъ подъ носомъ Башкировой, нѣмецъ проговорилъ уже не только сурово, но гнѣвно: — чтобы не смѣлъ этотъ человѣкъ, женщина-ли, мужчина, не смѣлъ болѣе опаивать княгиню Ягузинскую. Если онъ это хотя разъ сдѣлаетъ, то я не только сдѣлаю, что говорилъ, а еще, пожалуй, княгинѣ прямо назову того, кто это, по моему мнѣнію, выдумалъ. Ну-съ, такъ вотъ надѣюсь, что теперь княгиня Елизавета Петровна будетъ здорова. До свиданья.

Когда Зонстъ уѣхалъ, Башкирова осталась въ той-же комнатѣ и почти на томъ-же мѣстѣ. Долго думала она обо всемъ, размышляла и тяжело дышала, потому что страшно злилась, и только изрѣдка повторяла шепотомъ:

— Проклятый нѣмецъ!

(Продолженіе будетъ.)

Сонъ и быль.

Лунной ночи трепетанье,
Трели въ рощѣ соловья,
Водъ лазурныхъ рокотанье,
Въ даль скользящая ладья...
Страсти нѣжные напѣвы,
Счастье, бьющее ключемъ,
Поцѣлуи юной дѣвы, —
Это все лишь было сномъ!

Часъ унылый разставанья,
Слезы, тихія мольбы...
Одиночества терзанья,
Издѣвательство судьбы...
Трудъ постылый ради злата,
Злыхъ сомнѣній милліонъ,
Вѣры пламенной утрата, —
Это — быль уже, не сонъ!

Евг. Богославскій.

Послѣдняя Пасха.

(Набросокъ изъ портъ-артурской жизни.) **Н. Кононова.**

(Окончаніе.)

IV.

Катастрофа.

Максимъ Леонтьевичъ съ замираніемъ сердца слѣдилъ за «Баяномъ» съ одного изъ уголковъ Золотой горы. Тревожное чувство усиливалось изъ-за безсонной ночи; всеобщая тревога незамѣтно передалась и ему.

— Господи! Помоги нашимъ, — шепталъ онъ, — спаси мучениковъ: за вѣру православную погибаютъ...

Съ высотъ ясно было видно, какъ яростно отстрѣливался преслѣдуемый миноносецъ.

— Словно гончіе на охотѣ! — услыхалъ мѣткое сравненіе Токаревъ.

— Да и нашъ-то востеръ: какъ лиса увертливъ.

Въ самомъ дѣлѣ, съ берега было видно, какъ метался преслѣдуемый, по обѣимъ сторонамъ котораго вѣеромъ раскинулись преслѣдовавшіе.

На берегу уже узнали, что гибнетъ «Страшный».

Хотя миноносецъ казался отсюда чуть виднымъ пятномъ, но глаза моряковъ изощрены такъ, что въ состояніи различать на десяткахъ верстъ типическіе признаки, по которымъ безошибочно можно различить одно судно отъ другого.

Такъ было и теперь.

— А гдѣ-же остальные-то? — слышались вопросы.

— Восемь ихъ было, а теперь одинъ «Страшный»...

— Эхъ, не подоспѣетъ «Баянъ»!

— Гдѣ подоспѣть — далеко, а японцы совсѣмъ близко...

— Что-то тамъ, на «Страшномъ»-то?..

— Гибнутъ, а не сдаются...

— Русскіе люди тамъ: Юрасовскій, Малѣевъ, Акинфіевъ, Дмитріевъ — какъ на подборъ... Эти на матушку Русь позора не положатъ: смертью своею честь ея спасутъ...

— И за Портъ-Артуръ можно спокойнымъ быть! — проговорилъ Токаревъ, слышавшій всѣ эти переговоры, — генералъ Смирновъ — русскій, изъ Москвы комендантомъ назначенъ... природный русакъ! Ему честь Россіи дороже жизни.

— Да, — согласился стоявшій рядомъ съ Максимомъ Леонтьевичемъ пожилой морякъ, — ежели только онъ или Кондратенко во главѣ нашихъ будутъ, не видать японцамъ, какъ ушей своихъ, Артура, а осилятъ, такъ камня на камнѣ здѣсь не останется... Всѣ кручи да утесы взорвутъ, чтобы природныя укрѣпленія врагамъ не доставались... На нихъ, русаковъ, только и надежда...

Шумъ и громкій говоръ прервали моряка.

— «Баянъ» подошелъ, «Баянъ» стрѣляетъ! — кричали со всѣхъ сторонъ.

— Шлюпки спущены... Вонъ отдѣлились!

Стонъ вдругъ прошелъ по всему берегу.

— «Страшный» подъ водой!

Дѣйствительно, того пятнышка, какимъ казался отсюда миноносецъ, не было уже видно на волнахъ.

— Погибли, всѣ погибли!

Вздохъ, тяжелый, глубокій вздохъ, пронесся, какъ порывъ вѣтра, по всѣмъ этимъ усыпаннымъ народомъ скаламъ, террасамъ, выступамъ.

— Вѣчная память! Вѣчная память героямъ! — слышалось со всѣхъ сторонъ.

Но наступали такіе моменты, когда даже о страшной катастрофѣ долго думать не приходилось.

Приближалось нѣчто болѣе грозное...

«Баянъ», какъ это ясно видѣли съ берега, прогналъ разгромившіе «Страшнаго» японскіе миноносцы своими выстрѣлами, но, какъ только миноносцы стали отходить, на горизонтѣ показались рангоуты нѣсколькихъ быстро шедшихъ къ нимъ на подмогу судовъ.

— Крейсеры! Японскіе крейсеры! — заговорили кругомъ.

— Вонъ они когда пожаловали!

— Праздникъ дали справить, а теперь и мы ихъ честью просить можемъ: пожалуйте, други любезные!

— Быть бою! Ужъ Степанъ Осиповичъ случая не упуститъ...

— Давно онъ этого ждалъ, да чтобы упускать: не такой человѣкъ — Степанъ Осиповичъ!

Однако, скоро все вниманіе была привлечено къ одному «Баяну».

Японскіе крейсеры, показавшіеся на горизонтѣ, какъ оказалось впослѣдствіи, гнали впередъ русскихъ миноносцевъ, и «Баянъ», подобравшій съ волнъ пять матросовъ, случайно уцѣлѣвшихъ послѣ гибели «Страшнаго», храбро схватился съ врагами, прикрывая отступленіе своихъ.

— Виренъ не уступитъ, не уйдетъ, — толковали смотрѣвшіе на этотъ бой съ берега, — какъ-бы и «Баянъ» не пропалъ...

— Какъ онъ на японцевъ-то кидается... Одинъ, вѣдь, а ихъ тамъ шесть крейсеровъ!

Вдругъ по берегу пронеслось громкое восклицаніе:

— Эскадра выходитъ!

Все разомъ стихло...

Медленно вытягивалась на внѣшній рейдъ съ внутренняго красавица портъ-артурская эскадра...

Такое зрѣлище было рѣдкимъ и въ мирное время.

Только непонятное ослѣпленіе объясняло устройство въ

Артурѣ военно-морской базы. Превосходнѣйшій въ мірѣ коммерческій портъ былъ никуда негоденъ, даже прямо опасенъ для стоянки военнаго флота. Главнѣйшимъ и опаснѣйшимъ неудобствомъ его былъ проливъ, соединявшій такъ называемые внѣшній и внутренній рейды. Узина его была прямо-таки невозможная—всего двѣсти саженъ ширины при входѣ. Мелкота дѣлала внутренній рейдъ доступнымъ для глубоко сидящихъ военныхъ судовъ только на время приливовъ и отливовъ. Флотъ, который попалъ-бы туда и былъ-бы запертъ непріятелемъ—а это было очень легко,—очутился-бы въ западнѣ и съ перваго-же момента закрытія пролива былъ-бы осужденъ на убійственную бездѣятельность и вѣрную гибель. Признать такой портъ пригоднымъ для военно-морского пункта значило судить о немъ, не выходя изъ кабинета, находящагося за добрый десятокъ тысячъ верстъ. Внѣ кабинета всякій сообразилъ-бы, что Артуръ—не военный портъ, а западня для флота, но—увы!—такихъ людей не было, и Портъ-Артуръ сталъ базою русскаго флота въ дальне-восточныхъ водахъ...

Объ этомъ никто и не думалъ, когда вытягивалась на морской просторъ изъ узины пролива портъ-артурская эскадра, или, вѣрнѣе, остатки этой эскадры...

Картина оказывалась величественная въ полномъ смыслѣ этого слова.

Гордо шелъ впередъ, неся флагъ адмирала, нѣсколько неуклюжій гигантъ «Петропавловскъ», выпуская густѣйшіе клубы дыма изъ своихъ двухъ трубъ. За нимъ, словно плавучій островъ, шелъ трехтрубный «Пересвѣтъ», подъ флагомъ адмирала Ухтомскаго. Этотъ гигантъ, носившій имя знаменитаго героя Куликовской битвы, богатыря-инока изъ обители св. Сергія, тушевалъ своимъ видомъ другіе великаны: длинноватый, нѣсколько вертлявый «Севастополь», такую-же, какъ и онъ, трехтрубную «Побѣду» и неуклюжую, некрасиво выглядѣвшую «Полтаву». Совсѣмъ маленькими казались въ сравненіи съ этими гигантами и красавецъ «Аскольдъ», любимый крейсеръ адмирала, и стройная «Діана», и въ особенности маленькій задорно-воробьинаго вида «Новикъ», успѣвшій исправить всѣ свои поврежденія, полученныя имъ въ первомъ своемъ бою въ роковое утро 27-го января, когда адмиралъ Того впервые появился со своей эскадрой предъ Портъ-Артуромъ и началъ бомбардировать его, послѣ того какъ флотилія его миноносцевъ повредила три лучшихъ броненосца артурской эскадры...

Громкое, радостно-привѣтное «ура» встрѣтило вышедшую на внѣшній рейдъ эскадру и вновь загремѣло, когда она перестраивалась, чтобы идти на помощь «Баяну», яростно отбивавшемуся отъ въ шестеро разъ сильнѣйшаго врага.

«Ура» и проводило эскадру, богатырски-мощно двинувшуюся впередъ.

— Э-эхъ!—замѣтилъ Максиму Леонтьевичу сосѣдъ,—какъ-бы теперь «Цесаревичъ» да «Ретвизанъ» съ «Палладою» у мѣста были...

— Да, три такихъ силы! — согласился тотъ, — жаль ихъ, жаль!

— И этихъ достаточно... Вотъ только скоро идти они не могутъ: тралящій караванъ мѣшаетъ, а то-бы, какъ стая орловъ, на это хищное воронье налетѣли...

— Глядите!— крикнулъ кто-то,— японцы, какъ увидѣли, сейчасъ-же струсили.

— И на самомъ дѣлѣ уходятъ!

— Что-же имъ и дѣлать? Не крейсерамъ-же съ броненосцами вступать въ бой!

— Адмиралъ «Баяна» отзываетъ... Вонъ онъ какъ повернулъ и къ колоннѣ присоединился...

— А японцы-то уходятъ!

Непріятельскіе крейсеры быстро превращались въ едва замѣтныя точки; съ берега было видно, съ какой энергіей преслѣдовала ихъ наступавшая русская эскадра...

— Уйдутъ и вотъ тебѣ и бой, давно жданный!—проворчалъ сосѣдъ Токарева, но въ этотъ-же моментъ такъ и замеръ на мѣстѣ.

Замерли, превратившись въ зрѣніе, и всѣ тѣ, кто былъ на берегу.

На флангахъ отходившихъ японскихъ крейсеровъ показались новыя точки: одна, другая, третья... много точекъ.

Каждая изъ нихъ быстро превращалась въ непріятельское боевое судно...

— Того... Того со всѣми своими эскадрами!— раздались голоса,— что-то будетъ?

— Приметъ-ли бой Степанъ Осиповичъ?

— Приметъ, наши впередъ идутъ... въ боевой порядокъ строятся...

— Весь флотъ Того налицо... Засада была! нашихъ только подманивали...

Въ то время въ Артурѣ уже было извѣстно, что весь японскій флотъ былъ раздѣленъ на шесть эскадръ, которыми, кромѣ прославленнаго въ китайскую войну своею жестокостью адмирала Хейкагиро Того, командовали контръ-адмиралы Дашиба, Того (однофамилецъ Хейкагиро Того), Катаоки, Хасойи, Уріу и Камимура. Изъ нихъ послѣдній крейсировалъ въ Корейскомъ проливѣ и Японскомъ морѣ, слѣдя за крейсерской эскадрой Владивостока, Уріу конвоировалъ транспорты, высылаемые изъ Кобе, Шимоносеки и Хирошима къ Гензану и Сеулу въ Кореѣ; остальныя-же всѣ блокировали Портъ-Артуръ, имѣя свою базу на островахъ Эллиота.

Всѣ эскадры въ соединеніи представляли внушительную силу, значительно превосходившую и числомъ судовъ, и количествомъ орудій остатки артурской эскадры...

— Плохо дѣло!—съ тоскою проговорилъ Максимъ Леонтьевичъ, — задача адмиралу...

— Н-да...—согласился кто-то,—какъ Степану Осиповичу ни хочется съ Тогошкой въ честномъ бою силами помѣряться, а противъ рожна не попрешь...

— Честный бой!—сказалъ кто-то изъ ближайшихъ сосѣдей,—тоже сказали! Того втрое сильнѣе... Посчитайте-ка, у него теперь уже двадцать пять вымпеловъ наберется...

— Было время, когда русскіе враговъ не считали,— замѣтилъ Токаревъ.

— Было время, да,—отозвалось ему въ отвѣтъ нѣсколько голосовъ сразу,—такъ тогда этихъ чудовищъ, орудій современныхъ, не было.

— Теперь, ежели грудь съ грудью на сушѣ сойдутся, такъ никто изъ нашихъ, сколько непріятеля противъ него, считать не станетъ...

— Ну, и на сушѣ то-же! шрапнель да пулеметы все, что угодно, какъ вѣникомъ сметутъ.

— И близко не подпустятъ!

— Въ особенности пулеметы: адскія машины это какія-то!

Такой разговоръ нѣсколько отвлекъ Токарева и ближайшихъ къ нему зрителей отъ моря и сближавшихся на немъ эскадръ.

Громкій крикъ, звучавшій и удивленіемъ, и испугомъ, опять привлекъ ихъ взгляды къ морскому простору, гдѣ уже чуть виднѣлись суда русской эскадры и замѣтно надвигавшіяся на нихъ суда японцевъ.

По всей горной террасѣ шелъ громкій говоръ. Въ звукахъ его слышалось странное оживленіе.

— Отходятъ наши,—слышались голоса.

— Больше нечего и дѣлать: японцевъ все больше и больше...

— Да и отъ Артура далеко ушли... Отсюда крѣпость помочь не можетъ...

— Зато теперь, быть можетъ, адмиралъ японцевъ прямо подъ артурскія пушки подведетъ...

— Значитъ, не они его подманили, а онъ ихъ...

— Какъ-же! Такъ они и поддадутся... Не таковскій этотъ Того...

Новый крикъ съ болѣе рѣзко прозвучавшими въ немъ отзвуками тревоги прервалъ эти разговоры.

— Да что это? Кто?— заговорили вокругъ.

— Вонъ тотъ, съ биноклемъ, говоритъ, что на волнахъ блеститъ что-то...

— Что? Что?

— Погодите, всмотрится и скажетъ!

Токаревъ подошелъ поближе къ офицеру, съ замѣтнымъ безпокойствомъ разсматривавшему въ сильный бинокль морскую поверхность.

Этотъ офицеръ, морской артиллеристъ, какъ и большинство военныхъ въ Артурѣ, оказался хорошимъ знакомцемъ Максима Леонтьевича.

— Здравствуйте!— привѣтствовалъ его Токаревъ,— что это такое съ вами?

— А что?— разсѣянно спросилъ тотъ, пожимая ему руку.

— Да на васъ лица нѣтъ...

— Э-эхъ! Вѣрите-ли, сердце такъ вотъ и замираетъ...

— Я слышалъ, какъ вы дважды вскрикнули... Испугало васъ что?

— Въ томъ-то и дѣло... Сперва мнѣ только показалось, но потомъ и во второй разъ увидѣлъ... ясно увидѣлъ...

— Да что, голубчикъ? Вы успокойтесь только... что?

— Сказать боюсь...

— Чудовище какое-нибудь морское? Морскую змѣю, что-ли?

— Хуже...

— Право, вы пугаете; что-же?

— Куполъ подводной лодки!

На мгновеніе оба смолкли.

— Да не можетъ этого быть!— обрѣлъ вновь даръ слова Максимъ Леонтьевичъ.

— Давай Богъ, чтобы я ошибся. Эти проклятые подводные пигмеи опаснѣе всѣхъ чудовищъ... Вы слушайте: я смотрѣлъ на эскадры и вдругъ словилъ въ бинокль что-то блестящее, прямо на волнахъ... Это меня поразило... Я думалъ, что ошибся, оставилъ эскадры и сталъ обыскивать около нихъ море... И вотъ опять увидѣлъ... Изъ-подъ воды ясно былъ виденъ какой-то посторонній предметъ... Какъ хотите, а дважды казаться не можетъ одно и то-же...

ЛАСТОЧКИ. Съ картины **И. С. Галкина** гравир. для „Родины“ **А. Зубчаниновъ.**

БОЛОТНИКОВЪ ПРЕДЪ ЦАРЕМЪ ВАСИЛІЕМЪ ІОАННОВИЧЕМЪ (ШУЙСКИМЪ).
Оригин. рис. **В. Волкова**; гравир. для „Родины“ **И. Юревичъ**.

— И вы думаете, что тамъ подводная лодка?

— Куполъ ея видѣлъ... Можетъ быть, впрочемъ, я ошибаюсь, что-нибудь другое за подводную миноноску принимаю...

— Да откуда-же онѣ?

— Какъ откуда! Развѣ вы не слыхали о Леккѣ?

— Американская судостроительная фирма?

— Да... Она взялась по контракту построить японцамъ подводныя миноноски... Кто ихъ знаетъ? Японцы никакими средствами не брезгуютъ...

Отдаленный грохотъ пушечныхъ ударовъ заставилъ обоихъ прервать разговоръ.

— Наши огонь открыли!—пошелъ по берегу гулъ голосовъ.

— Японцы отвѣчаютъ... Ишь, вѣдь, богачи какіе: снарядовъ не жалѣютъ...

— Ни снарядовъ, ни орудій!..—пояснилъ кто-то: — морскія орудія въ особенности скоро отъ выстрѣловъ изнашиваются.

— Этотъ новый бездымный порохъ—сущій ядъ для нихъ!

Толпы на берегу стихли, съ напряженнымъ вниманіемъ наблюдая за происходившей на морѣ дуэлью гигантовъ.

Съ берега были чуть слышны глухіе, раскатистые удары выстрѣловъ и видно, какъ взлетали на воздухъ казавшіеся отсюда чуть-ли не съ булавочную головку снаряды. Впрочемъ, этотъ артиллерійскій поединокъ продолжался очень недолго.

— Наши отходятъ!—заговорили кругомъ.

— И слѣдуетъ... Даромъ только на такой рискъ шли...

— А «Баянъ»-то, «Баянъ»!

— И «Новикъ» ему не уступаетъ... Шли въ авангардѣ *), теперь арьергардъ **) прикрываютъ...

«Новикъ» и «Баянъ» въ эти дни блокады положительно стали любимцами всѣхъ безъ исключенія артурцевъ. Имена ихъ лихихъ командировъ, Вирена и Эссена, пріобрѣли необыкновенную популярность. Про нихъ складывались уже легенды. О Виренѣ говорили, что его сама судьба бережетъ отъ гибели; разсказывали, какъ нѣсколько разъ, и даже еще юношей, этотъ удалой морякъ бывалъ положительно на волоскѣ отъ смерти и каждый разъ спасался отъ нея чуть-ли не чудомъ... Не мало шло разсказовъ и про то, что командиръ «Баяна» каждаго, даже самаго ледящаго матросишку, лишь только тотъ попадалъ на его крейсеръ, умѣлъ обращать въ заправскаго, лихого моряка и, благодаря этому умѣнью, вся команда «Баяна» состояла изъ молодцовъ, какъ на подборъ.

— На «Баянъ», — говорили въ Артурѣ, — хоть каторжника пошли, живо Ильей Муромцемъ тамъ станетъ!

И на самомъ дѣлѣ «Баянъ» и «Новикъ» съ перваго-же дня блокады, съ того самаго утра 27-го января, когда подъ Артуромъ появился японскій флотъ, лишь одни, конечно, какъ болѣе легкіе и подвижные, вступали въ схватки съ появлявшимися иногда непріятельскими судами. И теперь оба эти крейсера дрались, какъ львы, прикрывая отступленіе броненосцевъ. «Баянъ», то и дѣло поворачиваясь, слалъ въ японцевъ изъ носовыхъ и изъ кормовыхъ орудій снарядъ за снарядомъ. Маленькій «Новикъ» не отставалъ отъ него. Японскія суда замѣтно стали подаваться назадъ; адмиралъ воспользовался этимъ и, перестроивъ свою эскадру въ двухкильватерную ***) колонну, повелъ ее къ Артуру.

Отступленіе было не спѣшное, «гордое», какое могутъ позволить себѣ лишь тѣ, кто сознаетъ свою силу. Броненосцы шли, предоставивъ «Баяну» и «Новику» сдерживать непріятеля. Въ правой галсовой ****) колоннѣ шелъ «Петропавловскъ», въ кильватерѣ его—«Севастополь», за нимъ—«Полтава» и послѣднимъ—«Баянъ». Въ лѣвой—во главѣ шелъ «Пересвѣтъ», а за нимъ слѣдовали «Побѣда» съ крейсерами «Аскольдомъ», «Діаной» и «Новикомъ». На флангѣ шли миноносцы.

Возвращающаяся эскадра подвинулась уже къ берегу настолько, что въ бинокли ясно можно было разглядѣть обычное движеніе на палубѣ броненосцевъ. Ничего особеннаго не замѣчалось на этихъ возвращавшихся съ боя гигантахъ. Орудійная прислуга стояла на своихъ обычныхъ мѣстахъ, съ мостиковъ были видны молодые офицеры. Кто-то различилъ даже на палубѣ «Петропавловска» среди нихъ хорошо знакомую всѣмъ въ Артурѣ фигуру лейтенанта Кубе, адъютанта великаго князя Кирилла Владиміровича, находившагося также на броненосцѣ.

— Добрый признакъ,—сказалъ Токареву сосѣдъ,—адмирала не видать.

— Гдѣ-же онъ?

— Вѣроятно, въ боевой рубкѣ...

— Можно думать, что все благополучно?

— О, да!.. Врядъ-ли даже какія-нибудь потери есть...

— А японцы не отстаютъ... Смотрите, хоть и въ морѣ, а, можно сказать, «по пятамъ» идутъ...

Японскія эскадры, видимо, рѣшились догнать своего противника и, во что-бы то ни стало, вызвать его на бой. Снаряды «Баяна» и «Новика» нисколько не сдерживали ихъ, онѣ шли, начиная уже тѣснить русскую эскадру...

— Подальше-бы они такъ-то!—заворчалъ сосѣдъ Максима Леонтьевича,—еще-бы малость продвинулись и совсѣмъ хорошо-бы...

— Думаете, зарвутся?

— Непремѣнно... Вы только взгляните, какъ лихо и ловко ставитъ адмиралъ эскадру подъ прикрытіе нашихъ баттарей... Какой прекрасный маневръ!

Эскадра уже спустила ходъ до тихаго и была не болѣе, какъ въ десяти кабельтовыхъ *) отъ Золотой горы. «Петропавловскъ» велъ ее за собой въ сторону Дальняго. Онъ уже миновалъ Электрическій утесъ и сталъ въ положеніе, показывавшее, что намѣревается войти на внутренній рейдъ. На носу броненосца начались какое-то движеніе и даже суета...

— Сейчасъ якорь броситъ?—спросилъ Токаревъ.

— Должно быть, а все-таки жаль...

— Чего?

— Да поглядите, японцы назадъ отходятъ... Видно, сообразили, что еще немного, такъ подъ баттареи и попали-бы...

Онъ хотѣлъ что-то еще прибавить, какъ вдругъ такъ и замеръ на мѣстѣ съ раскрытымъ ртомъ.

До берега донесся не сильный, глухой ударъ и изъ-подъ носовой части «Петропавловска» взвился огромный водяной столбъ, походившій издали на гигантскій снопъ. Тотчасъ вслѣдъ за этимъ по всему берегу пронесся сперва негромкій крикъ, быстро обратившійся въ ужасный, не имѣвшій въ себѣ ничего человѣческаго ревъ. Это былъ вопль, одновременно вырвавшійся изъ нѣсколькихъ сотъ грудей. Сотни паръ глазъ увидѣли ужасающее зрѣлище. Водяной столбъ не опрокинулся еще назадъ, а весь носъ адмиральскаго броненосца укутался въ облако густѣйшаго сѣровато-желтоватаго дыма, съ специфическимъ запахомъ, слышнымъ даже на берегу. Вслѣдъ затѣмъ раздался второй ударъ и на воздухъ взлетѣла, отдѣлившись отъ воды, корма стальнаго гиганта. Съ берега, гдѣ еще никто не могъ сообразить, что такое происходитъ, отчетливо были видны мелькавшія, какъ крылья вѣтряной мельницы, лопасти громадныхъ его винтовъ. Все это продолжалось только моментъ—не болѣе. Густыя уже не облака, а тучи дыма, противнаго, ѣдкаго, укутали въ себѣ «Петропавловскъ», съ котораго не донеслось болѣе ни одного звука. Зато въ слѣдующій моментъ съ «Побѣды», шедшей подъ флагомъ Ухтомскаго, загремѣли частые выстрѣлы и среди грохота ихъ послышался трескъ новаго взрыва. Громъ пальбы заглушилъ его. Казалось, эскадра разстрѣливала кого-то чужого, внезапно затесавшагося среди нея. Стрѣльба была яростная, нервная, даже безпорядочная. При первыхъ-же звукахъ ея минный крейсеръ «Гайдамакъ», стоявшій у берега, вдругъ сорвался и, развивъ сразу-же свой ходъ до предѣльной быстроты, понесся къ укутанной въ дымъ эскадрѣ.

Что только дѣлалось въ эти моменты на берегу...

— Миноносцы!.. опять! — послышался было чей-то крикъ, но онъ былъ мгновенно заглушенъ страшнымъ стономъ, такъ и разлившимся, какъ вой внезапно налетѣвшаго урагана. Въ огромныхъ толпахъ были слышны крики, плачъ, рыданія, вопль, истерическій хохотъ. Люди словно обезумѣли. Не было ни одного лица, которое не отражало-бы величайшаго ужаса, заполнившаго каждый атомъ въ душѣ этихъ не людей, въ страшныя переживаемыя минуты, а лишь человѣческихъ существъ. Широко расширенные глаза, съ безсмысленнымъ, ничего не выражавшимъ взглядомъ, искаженныя черты, передергивавшіяся нервными судорогами, трясущіяся головы видны были всюду, а, между тѣмъ, никакого ужаса уже не было. Тамъ, гдѣ стоялъ «Петропавловскъ», видны были только шлюпки, эти чуть замѣтныя движущіяся точки...

Около того мѣста, гдѣ скрылся въ морской безднѣ несчастный броненосецъ, суетливо шмыгалъ по всѣмъ направленіямъ «Гайдамакъ», спустивши на воду всѣ, какія только у него были, шлюпки. Нѣсколько мелкихъ паровыхъ судовъ стрѣлою неслись отъ берега. «Побѣда» трепетала на одномъ мѣстѣ, словно не будучи въ силахъ идти впередъ. Этотъ броненосецъ замѣтно накренился и видно было, что, лишь благодаря быстро подведенному пластырю, онъ держится на поверхности воды. Другіе броненосцы какъ-то безпомощно, растерянно качались на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ застигла ихъ эта ужасная катастрофа.

Всего лишь двѣ минуты понадобилось на то, чтобы гигантъ броненосецъ съ шестьюстами пятьюдесятью двумя человѣками экипажа, двадцатью девятью офицерами, двумя адмиралами ушелъ, не оставивъ даже слѣда, въ морскую пучину...

Только двѣ минуты!..

Въ двѣ минуты море поглотило гиганта, строившагося годы, стоившаго милліоны русскихъ трудовыхъ рублей, поглотило съ его грозными двѣнадцатидюймовыми орудіями, съ пятьюдесятью шестью скорострѣльными пушками, съ почти семьюстами русскихъ жизней...

---

*) Передовая эскадра флота.

**) Суда, слѣдующія за главной эскадрой.

***) Двухкильватерная колонна — суда идутъ слѣдъ въ слѣдъ другъ друга въ два ряда.

****) Направленіе движенія судна относительно вѣтра.

*) Кабельтовъ — сто саженъ.

Въ двѣ минуты случай измѣнилъ ходъ міровыхъ событій, унеся въ пучину жизнь нужнѣйшую, жизнь для всей Россіи драгоцѣннѣйшую—жизнь Степана Осиповича Макарова, флотоводца, признаннаго великимъ во всемъ мірѣ, несмотря даже на то, что сдѣлалъ онъ лишь ничтожную часть того, что могъ сдѣлать...

Вѣчная память вамъ, Макаровъ и Молласъ, вѣчная память вамъ, Агапѣевъ, Васильевъ, Кубе, Бурачекъ, Шульцъ, Мякишевъ, Коробицынъ, Лодыгинъ, Ладановъ, Клебекъ, Окуневъ, Акимовъ, Кнорингъ, Вульфъ, Лепешкинъ, Перковскій, Сейпель, Смирновъ, Волковичъ, Костромитиновъ, Шмидтъ, Кроунъ, Шмидтъ, Шишко, Бодиско! вѣчная память тебѣ, славный Верещагинъ, вѣчная память тебѣ, смиренный инокъ Алексѣй, вѣчная память вамъ, шестьсотъ пятьдесятъ два мученика — ихъ-же имена Ты, Господи, вѣси! До смертнаго конца своего послужили вы, страстотерпцы великіе, своей матери-родинѣ Руси Православной и вѣнецъ мученическій сталъ вамъ наградою за службу эту... Горнія селенія открылись для васъ въ тотъ страшный мигъ, когда въ ѣдкомъ дыму минныхъ взрывовъ горькія волны морскія стали для васъ могилою. Свѣтозарные ангелы изъ бездны вознесли ваши чистыя души предъ лицо Господа вашего, а вы и понынѣ тамъ, у Горняго престола, праведники, молитесь Творцу Вседержителю за вашу родину угнетенную...

Вѣчная память вамъ, жертвы невинныя, и да сгинутъ враги лютые, свирѣпые, бывшіе первой и главною причиною вашей гибели! Да сгинутъ въ немеркнущемъ блескѣ вашей славы, вашего страданія мракъ кромѣшный и всѣ злобныя исчадья его и да взойдетъ въ лучахъ вашей памяти солнце вѣчной безкорыстной любви къ родинѣ...

Память, память вамъ вѣчная!

Неисповѣдимы судьбы Всемогущаго Промысла. Кто можетъ сказать, что было-бы, если-бы не разразилась эта ужасная катастрофа?

Не только русскихъ, но и японцевъ гибель «Петропавловска» привела въ смущеніе.

Въ первые моменты японскія суда, подошедшія совсѣмъ близко, остались неподвижными, какъ-будто и на нихъ люди замерли въ смятеніи, затѣмъ на флагманскомъ броненосцѣ появились сигнальные флаги и эскадра быстро пошла назадъ...

Съ Золотой горы стали стрѣлять по ней, но стрѣльба эта была скорѣе просто послѣдствіемъ нервности и въ ней нашелъ себѣ исходъ только что пережитый ужасъ.

Но ближе къ полудню по улицамъ Портъ-Артура потянулись носилки со спасенными жертвами катастрофы. Часть изъ нихъ была распредѣлена по судовымъ лазаретамъ, а нѣкоторыхъ отправили въ береговые госпитали.

Спаслись почти чудомъ отъ гибели начальникъ военно-морского отдѣла флигель-адъютантъ капитанъ 2-го ранга е. и. в. вел. кн. Кириллъ Владиміровичъ, командиръ «Петропавловска» капитанъ 1-го ранга Яковлевъ, старшій минный лейтенантъ Унковскій, младшій минный лейтенантъ Іенишъ, лейтенантъ Дукельскій, мичманы: Яковлевъ, Шлиппе, Владиміръ Шмидтъ и пятьдесятъ два человѣка изъ экипажа.

Къ вечеру Артуръ уже былъ полонъ подробностями ужасной катастрофы, но — увы! — подробностей было немного.

Разсказывали, что впечатлѣніе взрыва было таково, будто море само разверзлось и изъ пропасти поднялись снопы ослѣпляющаго, все разрушающаго пламени; вслѣдъ за этимъ среди оглушающаго шума появилось облако удушливаго дыма и въ слѣдующее мгновеніе на переднемъ мостикѣ уже лежали трупы; всюду были обломки, изъ люковъ и трубъ поднималось пламя, разраставшееся все болѣе и болѣе. Въ нѣдрахъ броненосца былъ слышенъ грохотъ — тамъ взрывались мины. Трубу моментально выворотило и бросило за бортъ; проносясь, она убила наповалъ адъютанта великаго князя—лейтенанта Кубе. Верещагина, торопливо зарисовывавшаго открывавшійся предъ нимъ видъ, сперва высоко взметнуло на воздухъ, потомъ швырнуло на волны—по всей вѣроятности, онъ попалъ въ образовавшійся водоворотъ и погибъ въ немъ. Адмиралъ Молласъ погибъ въ каютѣ; Степана Осиповича Макарова въ послѣдній разъ видѣли выбѣжавшимъ изъ боевой рубки. Онъ былъ въ стѣснявшемъ его движенія дождевомъ плащѣ. Выбѣжавъ, онъ, вѣроятно, въ ужасѣ схватился руками за окровавленное лицо и въ это мгновеніе былъ смытъ въ море, гдѣ также погибъ въ водоворотѣ. Именно этотъ жестъ и плащъ считаютъ главными причинами гибели славнаго адмирала. Былъ упущенъ моментъ, когда онъ могъ-бы еще соскользнуть въ воду. Командиръ «Петропавловска» Яковлевъ былъ взятъ изъ воды съ поврежденіемъ черепа, четырьмя сломанными ребрами и ушибами праваго бока.

Такъ погибъ «Петропавловскъ»...

Спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого, возвратившійся въ Петербургъ Максимъ Леонтьевичъ Токаревъ разсказывалъ въ кружкѣ знакомыхъ о пережитыхъ страшныхъ мгновеніяхъ и закончилъ свой разсказъ такъ:

— Конечно, всему виною здѣсь одна только слѣпая судьба — ананке, фатумъ, рокъ — зовите, какъ хотите; звенья судьбы такъ и цѣплялись одно за другое. Если-бы во вторникъ на Свѣтлой недѣлѣ погода испортилась съ полудня или даже нѣсколько позднѣе, не была-бы послана на развѣдки флотилія Бубнова и Елисѣева; если-бы они не пошли къ островамъ Саншинтоу, не отбился-бы отъ нихъ «Страшный»; если-бы онъ не отбился отъ своей флотиліи, онъ не натолкнулся-бы на японцевъ, не было-бы боя, а если-бы его не было, портъ-артурская эскадра не пошла-бы на выручку своихъ; словомъ, всюду «если-бы» и «если-бы». Но перстъ судьбы особенно виденъ вотъ въ чемъ. Покойный Степанъ Осиповичъ всю свою жизнь посвятилъ изученію вопроса непотопляемости судовъ и защиты ихъ отъ минъ. Онъ терпѣть не могъ эти плавучія крѣпости и всегда въ Артурѣ поднималъ свой флагъ то на «Аскольдѣ», то на «Новикѣ». Въ этотъ разъ онъ рѣшилъ перенести свой флагъ на «Діану» и всего за четыре часа до катастрофы перешелъ на «Петропавловскъ». Обыкновенно осторожный, онъ предъ всякимъ выходомъ въ море приказывалъ протраливать рейдъ...

— И что-же, «Петропавловскъ» погибъ отъ мины? — перебилъ разсказчика одинъ изъ слушателей...

— Говорятъ, что броненосецъ наткнулся на минный букетъ, но тотъ, кто, какъ я, слышалъ разговоръ о плававшемъ на морѣ и замѣченномъ съ берега блестящемъ куполообразномъ предметѣ, сохранитъ навсегда убѣжденіе, что могла тутъ быть и подводная лодка, погибшая, впрочемъ, вмѣстѣ съ несчастнымъ броненосцемъ... Да! Вотъ какъ мы провели «послѣднюю Пасху» въ Портъ-Артурѣ, — закончилъ разсказчикъ и смолкъ.

КОНЕЦЪ.

Сестрѣ милосердія.

Не Самъ-ли Богъ въ кромѣшный адъ
Тебя послалъ съ улыбкой рая,
Гдѣ пули свищутъ, не смолкая,
И рвутся тысячи гранатъ!
Гдѣ точно демоновъ ужасныхъ
Ревутъ, грохочутъ голоса
И смерти жадная коса
Сметаетъ тысячи безстрашныхъ!
Гдѣ стоны душу леденятъ,
Гдѣ въ мукахъ гибнутъ люди-братья,
Гдѣ день и ночь мольбы, проклятья
Изъ устъ страдающихъ летятъ!..
Какъ свѣтлый ангелъ примиренья,
Святая вѣстница добра,
Въ пылу кроваваго сраженья
Ты много больше, чѣмъ сестра!
Ты—лучъ Божественнаго свѣта
Среди страданій, смерти, слезъ...
Съ тобою ходитъ Самъ Христосъ...
Въ твоихъ устахъ слова привѣта
Благоуханнѣй райскихъ розъ!
За подвигъ чудный преступленье —
Не преклониться предъ тобой...
На мрачномъ фонѣ истребленья,
Сестра, ты—дивное видѣнье,
Ты—ангелъ мира неземной!...

И. К. Коробовъ.

ВЕСЕННІЙ ЗАХВАТЪ.

Романъ Г. Т. Сѣверцева (Полилова).

I.

ЗАГРАНИЧНЫЙ поѣздъ плавно отошелъ отъ дебаркадера Варшавскаго вокзала, мягко постукивая колесами на стыкахъ рельсовъ. Хмурый, слезливый Петербургъ, уходя въ даль, понемногу заволакивался своею обыденною туманною пеленою. Быстро промелькнули его болотистыя окраины, кладбище съ массою покосившихся могильныхъ крестовъ, съ рощей голыхъ еще деревьевъ и зеленымъ куполомъ церкви, поля, полузалитыя вешнею водою, съ остатками еще нерастаявшаго снѣга на скатахъ канавъ, высокія трубы далекихъ заводовъ и фабрикъ, низенькія изгороди изъ жердей, и поѣздъ очутился среди чахлаго пригороднаго лѣсного пространства.

Благодаря пасхальной недѣлѣ и довольно холодному началу апрѣля, пассажировъ въ вагонѣ перваго класса было очень мало; сѣрые суконные диваны пустовали. Только въ отдѣленіи вагона для некурящихъ находились двое—молодой человѣкъ и пожилая дама; они сидѣли въ разныхъ купэ, не видя другъ друга.

Старушка начала укладываться спать сейчасъ-же послѣ отхода поѣзда, хотя время было еще не позднее. Ея сосѣдъ, молодой блондинъ, аккуратно разложилъ свои чемоданы и сакъ-вояжъ на сѣтки, вынувъ предварительно изъ послѣдняго черную шелковую шапочку, которою онъ замѣнилъ на головѣ свою мягкую фетровую шляпу, и, усѣвшись удобнѣе въ уголокъ дивана, сталъ разсѣянно наблюдать за мелькающимъ мимо оконъ вагона пейзажемъ.

На видъ молодому человѣку можно было дать лѣтъ двадцать три—двадцать пять не болѣе, что и было въ дѣйствительности. Его довольно высокая, худощавая фигура, выглядѣвшая какъ-то юношески-стройною, темно-каріе глаза, бѣлокурые, скорѣе каштановые волосы, тщательно зачесанные на косой проборъ, продолговатые сухіе пальцы рукъ, тонкій абрисъ носа и всего лица ясно указывали на „породу“. Движенія блондина не были порывисты, точно онъ заранѣе предвидѣлъ и зналъ, насколько каждый жестъ его будетъ изященъ и гармониченъ. Тонкая шевіотовая пара, видимо, сшитая у хорошаго портного, удобно на немъ сидѣла; темная матерія слегка усиливала его худобу.

Просидѣвъ почти безъ движенія съ полчаса въ какомъ-то полузабытьѣ, молодой человѣкъ вздрогнулъ, когда поѣздъ, сразу толкнувшись назадъ, остановился у первой попутной станціи, Александровской.

Въ вагонъ вошелъ служитель и зажегъ въ фонаряхъ свѣчи; непривѣтливый полумракъ воцарился въ вагонѣ. За окномъ начали спускаться легкія тѣни бѣлой весенней петербургской ночи; контуры строеній слегка расползались. Прозвучала рѣзкая мѣдь звонка, гдѣ-то впереди трелью раздался свистокъ оберъ-кондуктора, паровозъ недовольно ухнулъ, и поѣздъ снова двинулся впередъ.

Молодой человѣкъ, ѣхавшій въ полупустомъ вагонѣ, носилъ имя князя Арсенія Николаевича Гостомыжскаго. Онъ былъ круглый сирота; его отецъ, князь Николай Арсеньевичъ, женился довольно поздно ради поправленія своихъ средствъ на единственной дочери богатаго петербургскаго коммерсанта, Аннѣ Петровнѣ Ухиной. Вскорѣ послѣ рожденія Арсенія, князь Николай Арсеньевичъ потерялъ свою болѣзненную жену, спустя годъ послѣ смерти которой скончался внезапно и самъ отъ аневризма *), оставивъ сиротку-сына на попеченіи бабушки, матери его жены, вдовы купца Ухина.

Единственный внукъ богатой купчихи воспитывался ею прекрасно. Малообразованная старуха, вышедшая изъ ярославскихъ крестьянъ, своимъ чисто практическимъ умомъ поняла, что сыну князя Гостомыжскаго нужно дать образованіе и воспитаніе далеко не такое, какое получилъ-бы ея внукъ, будучи сыномъ простого купца, и вслѣдствіе этого у князя Арсенія преподавателями явились выдающіяся въ педагогическомъ мірѣ лица. Подготовка его, благодаря имъ, была превосходная; молодой князь, способный отъ природы, блестяще прошелъ гимназическій курсъ и поступилъ въ университетъ. Естественныя науки приковали его вниманіе, и, спустя пять лѣтъ со дня поступленія въ университетъ, князь, на двадцать третьемъ году, однимъ изъ первыхъ окончилъ курсъ.

Въ настоящее время, по желанію практической и умной старой купчихи-бабки, князь Арсеній ѣхалъ за границу, гдѣ онъ до сихъ поръ никогда еще не бывалъ, чтобы „людей посмотрѣть—себя показать“, по выраженію его воспитательницы. Денегъ для него старуха никогда не жалѣла, но князь Арсеній, ушедшій въ науку, какъ-то безразлично къ нимъ относился: онѣ его не интересовали. Такъ и теперь, снабженный бабкою крупными аккредитивами чуть-ли не на всѣ большіе банки Европы, онъ мечталъ только увидѣть совсѣмъ новый, незнакомый ему міръ, а о томъ, сколько придется ему израсходовать, больше или меньше, Арсеній не думалъ. Юношески-чистый характеръ молодого человѣка не носилъ въ себѣ жажды къ увеселеніямъ, наслажденіямъ, кутежамъ и пр., обыкновенно служащимъ приманкою молодежи, ѣдущей въ первый разъ въ чужія страны. Этого здѣсь не было. Князь Арсеній стремился обогатить себя новыми знаніями, расширеніемъ ихъ горизонта, поднять завѣсу науки, ознакомиться съ этимъ міромъ, все больше и больше развертывающимся предъ изумленными человѣческими взорами.

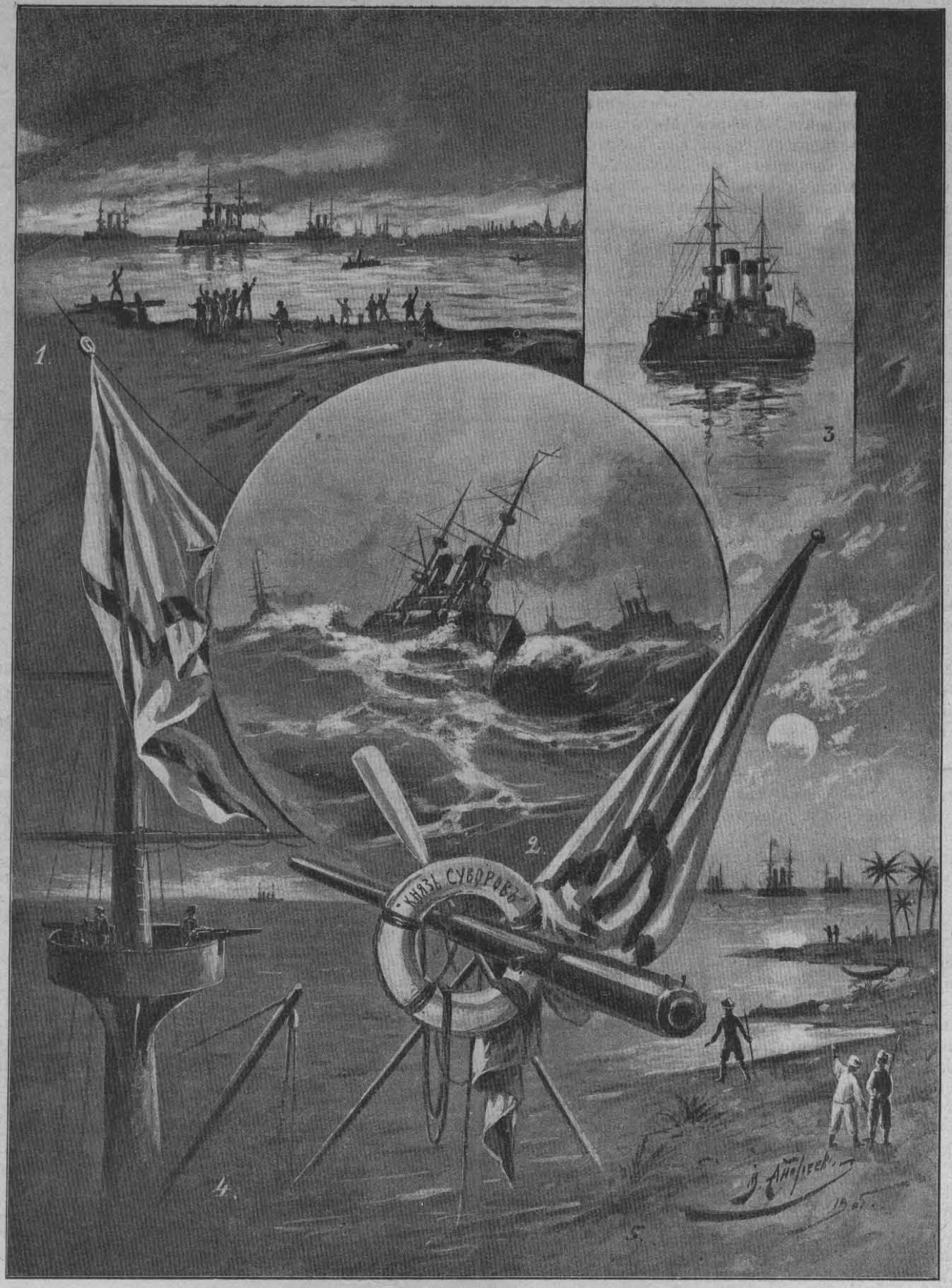
Больше всего князя Гостомыжскаго интересовало электричество, эта до сихъ поръ далеко не узнанная, таинственная, всесокрушающая сила, управлять которою только отчасти удалось человѣку, причемъ при первой оплошности послѣдняго эта сила ускользаетъ изъ-подъ его власти и сама уничтожаетъ своего недавняго властелина. Изученію законовъ, условій, формулъ и дѣятельности этой силы и хотѣлъ посвятить себя всецѣло князь Арсеній и съ этой цѣлью поѣхалъ сначала въ Бельгію, въ Льежъ, древній Люттихъ, куда его направили профессора, указавъ на электрическій институтъ Монте-Фіорэ въ этомъ городѣ, какъ на одинъ изъ совершеннѣйшихъ для дальнѣйшаго изученія электричества во всѣхъ его проявленіяхъ. Князь Гостомыжскій, довольный ихъ указаніями, прямо и ѣхалъ туда, всѣми своими помыслами стремясь поскорѣе добраться до этого обѣтованнаго края.

Убаюкиваемый своими мечтами и ровнымъ покачиваніемъ вагона, молодой человѣкъ началъ дремать; мысли его стали мѣшаться, и онъ, сидя, крѣпко уснулъ.

II.

Перебравшись черезъ границу въ Вержболовѣ, молодой человѣкъ сталъ внимательно присматриваться къ особенностямъ чуждой ему иностранной жизни.

*) Аневризмомъ называется заболѣваніе, выражающееся въ расширеніи кровеносныхъ артерій.



ПЛАВАНІЕ ТИХООКЕАНСКОЙ ЭСКАДРЫ.

1. Выходъ изъ Либавы. 2. Въ Индійскомъ океанѣ. 3. Флагманское судно, броненосецъ «Князь Суворовъ». 4. На марсѣ. 5. Въ китайскихъ водахъ. Оригин. рисун. **М. Андреева.**

Жизнь его, протекавшая до сихъ поръ, чуть-ли не съ перваго года появленія его на свѣтъ, въ богатомъ особнякѣ бабушки, находящемся на одной изъ дальнихъ линій Васильевскаго острова, не отличалась особымъ разнообразіемъ впечатлѣній. Довольно слабый здоровьемъ, унаслѣдованнымъ имъ отъ матери, Арсеній все свое раннее дѣтство провелъ подъ наблюденіемъ врача, строго размѣрявшаго все его времяпрепровожденіе. Анфиса Матвѣевна, рано потерявшая единственную дочь, всѣ заботы сосредоточила на этомъ блѣдномъ, не по лѣтамъ развитомъ, задумчивомъ мальчикѣ и потому страшно пугалась при каждомъ пустяшномъ заболѣваніи внука.

— Арсюша, что это у тебя, какъ-будто глазки посоловѣли? — испуганно шептала Ухина, и, спустя минуту-другую, къ домашнему доктору, которому былъ порученъ надзоръ за здоровьемъ молодого князька, мчался посланный съ просьбою прибыть немедленно.

Обыкновенно тревога оказывалась напрасною, но такъ какъ потревоженный эскулапъ получалъ въ вознагражденіе экстренную десятирублевку, то перспектива ея полученія дѣлала его всегда готовымъ прибыть по первому зову.

Родни у Ухиной въ приневской столицѣ почти не было, дѣловыя сношенія съ коммерческимъ міромъ ограничивались конторою да рѣдкими оффиціальными посѣщеніями Анфисы Матвѣевны въ день ея именинъ, Новаго года и Пасхи. Вслѣдствіе этого въ богатомъ василеостровскомъ особнякѣ было постоянно тихо, неоживленно, какъ въ монастырѣ.

Эта замкнутость сказалась и на Арсеніи. Онъ продолжалъ расти мало разговорчивымъ, серьезнымъ ребенкомъ, крайне прилежнымъ къ ученью и охотно занимавшимся. Старуху бабушку Арсеній любилъ какъ-то по-своему; онъ никогда не проявлялъ шумно своей привязанности къ ней, а, между тѣмъ, рѣдко кто изъ сыновей могъ такъ любить родную мать, какъ любилъ молодой князь Гостомыжскій свою бабушку.

Это отлично сознавала и сама Ухина, и они оба, старуха и ребенокъ, понимали другъ друга прекрасно. Чужому человѣку, въ первый разъ бывшему въ домѣ Ухиной, показалась-бы странною и, пожалуй, непонятною внѣшняя холодность отношеній между бабушкою и внукомъ, но, вглядѣвшись поближе, онъ замѣтилъ-бы, что Арсеній отдалъ-бы всю свою жизнь за старуху Ухину. Точно такъ-же и Анфиса Матвѣевна не дала-бы никому своего единственнаго внука въ обиду.

— Что это ты, Арсюша, — неоднократно говорила она внуку, — все свободное время проводишь дома? Пошелъ-бы куда-нибудь, въ театръ, что-ли!

Блѣдный лобъ молодого человѣка наморщивался, Арсеній молча выслушивалъ ея слова, затѣмъ съ присущимъ ему серьезнымъ тономъ отвѣчалъ:

— Меня нисколько все это не интересуетъ, бабушка, а если я вамъ мѣшаю, я уйду въ свою комнату заниматься.

По губамъ старухи скользила едва замѣтная улыбка самодовольства, Анфиса Матвѣевна поднималась со своего кресла и молча цѣловала внука въ голову.

Такимъ образомъ шли годы.

Все общество для князя Арсенія, кромѣ рѣдкихъ случаевъ, заключалось въ бабушкѣ. Громаднымъ дѣломъ, унаслѣдованнымъ Ухиной отъ покойнаго мужа, молодой человѣкъ не интересовался, его вела сама старуха, имѣя хорошаго помощника въ лицѣ стараго приказчика мужа. Нѣсколько разъ Анфиса Матвѣевна надумывала предложить своему сіятельному внуку также принять участіе въ ея дѣлѣ и однажды даже твердо рѣшила переговорить съ нимъ по этому поводу, но, какъ нарочно, въ этотъ день князь Арсеній вернулся изъ университета довольно поздно, немного усталымъ, и она ничего ему не сказала въ этотъ вечеръ. Проведя безсонную ночь за обдумываніемъ своего предположенія, старая купчиха пришла къ тому заключенію, „что негоже ея внуку, по отцу — князю, заниматься коммерціею, денегъ ему и такъ послѣ ея смерти не мало останется, да едва-ли онъ для торговаго дѣла и годится“. На этотъ разъ рѣшеніе ея было безповоротно, и, когда, на другой день за утреннимъ кофе, она свидѣлась съ внукомъ, проэктъ посвященія его въ коммерцію не былъ даже сообщенъ ему.

У молодого человѣка въ бабушкиномъ особнякѣ были три комнаты, причемъ Анфиса Матвѣевна приставила для его услугъ особаго камердинера, жившаго ранѣе въ богатыхъ аристократическихъ домахъ и прекрасно знавшаго всѣ тонкости этой службы. Прислуга-же у самой Ухиной была преимущественно женская, и только швейцаръ Кузьма составлялъ исключеніе изъ этого правила.

Камердинеръ Максимъ, глядѣвшій на всѣхъ обитателей особняка, не исключая и самой хозяйки, какъ-то презрительно, свысока, выказывалъ полное почтеніе къ молодому князю Гостомыжскому, не разъ повторяя швейцару Кузьмѣ:

— Я ихъ папеньку расчудесно знавалъ. Его сіятельство чуть-ли не ежедневно къ моему барину, графу Лагузинскому, пріѣзжать изволилъ. Въ тѣ поры у князя денегъ не мало было, шикарилъ онъ во-всю; человѣку своему, Иваномъ звали, новую пару—чуть разъ-два надѣнетъ—сейчасъ-же дарилъ. Иванъ богатымъ человѣкомъ сталъ... Тароватый баринъ былъ!— заканчивалъ свои панегирики Максимъ.

Иногда Анфиса Матвѣевна приходила пить чай въ комнаты внука. Тогда Максимъ старался въ особенности отличить сервировку князя отъ купеческой. Подавалъ онъ всегда въ бѣлыхъ перчаткахъ и во фракѣ.

Арсенія Николаевича смѣшила подобная вычурная обстановка, но Ухиной она нравилась.

— Иначе, Арсюша, дружокъ, тебѣ и нельзя, ты— „сіятельный“, бѣлая кость, не то, что мы съ мужемъ-покойникомъ. Его о седьмомъ годѣ ребятенкомъ изъ дома земляки въ корзинкѣ привезли сюда, въ Питеръ, а я на шестнадцатомъ году за него замужъ на родинѣ вышла да сюда съ нимъ и заѣхали.

Кичиться родствомъ съ княжескимъ родомъ Анфиса Матвѣевна не любила, но не молчала объ этомъ, смотря вполнѣ здраво и сознавая, что въ нынѣшній практическій вѣкъ выше всего ставятъ деньги.

III.

По окончаніи внукомъ университетскаго курса у старухи Ухиной снова явилась мысль позаботиться о дальнѣйшей его судьбѣ, и, посовѣтывавшись съ постояннымъ врачемъ, она рѣшила женить Арсенія Николаевича, причемъ въ этомъ вопросѣ замѣшалось эгоистическое желаніе старухи не остаться одинокою послѣ отъѣзда внука куда-нибудь на службу.

Съ этой цѣлью она потихоньку отъ князя Арсенія пересмотрѣла множество богатыхъ невѣстъ, причемъ ни одна изъ нихъ не пришлась ей по вкусу. Но при первомъ намекѣ молодого человѣка о желаніи его съѣздить за границу Ухина быстро, какъ и ранѣе это было съ проэктомъ принятія внука въ коммерческое дѣло, отказалась отъ своей мысли имѣть

Сканирован reduktoren rutracker.org

такъ скоро Арсенія женатымъ. Она сознавала, что путешествіе за границу послужитъ пріятнымъ отдохновеніемъ для молодого человѣка, и не придавала вѣры выраженной имъ надеждѣ продолжать тамъ свои занятія.

— Какъ нюхнетъ чужого-то вѣтра, — шутя говорила она доктору, — всякое желаніе учиться отпадетъ.

И Арсеній Николаевичъ, самъ того не сознавая, какой серьезной опасности онъ избѣжалъ—что вполнѣ было возможно при извѣстной настойчивости бабушки, почти никогда не отступавшей отъ заранѣе предрѣшеннаго,—быстро собравшись, отправился въ заграничное путешествіе. Привязанностей дома, кромѣ старухи-бабушки, у него не было, молодое, юношеское чувство еще не было затронуто ничьимъ женскимъ образомъ, а потому разставаться съ мѣстами, гдѣ до сихъ поръ протекала его жизнь, ему сравнительно не было тяжело.

Какъ-то странно встрѣтить въ нынѣшнее время молодого человѣка, до такого возраста не захваченнаго круговоротомъ жизни, интересующагося только одною наукою. Князь Арсеній Николаевичъ представлялъ изъ себя живой примѣръ подобнаго исключенія; импульсъ жизни живою струею бился вокругъ него, не только не привязывая, но даже и не привлекая его вниманія.

Въ купеческомъ особнякѣ на Васильевскомъ островѣ стало какъ-то еще пустыннѣе, еще тише. Огонь по вечерамъ зажигался только въ двухъ комнатахъ бель-этажа, въ рабочемъ кабинетѣ (онъ-же и спальня старухи Ухиной) да въ столовой; всѣ остальныя комнаты были погружены въ темноту. Анфиса Матвѣевна, вставшая по укоренившейся у нея съ давнихъ лѣтъ привычкѣ въ шесть часовъ утра зимою и лѣтомъ, ложилась спать тоже рано: уже въ десять часовъ вечера гаснулъ свѣтъ въ ея комнатѣ.

Высокая, сухощавая пятидесятивосьмилѣтняя женщина строго слѣдила за всѣмъ колесомъ крупной торговой фирмы, унаслѣдованной ею отъ мужа. Практическій умъ бывшей крестьянки какъ-то сразу охватывалъ все дѣло, и Анфиса Матвѣевна не хуже любого мужчины соображала выгоды той или другой операціи. Ея главный помощникъ, Елисѣй Ивановичъ Мочаловъ, былъ только послушнымъ орудіемъ въ ея рукахъ, такъ какъ Ухина сама лично не распоряжалась въ дѣлахъ, а передавала свои распоряженія черезъ него.

Сознаніе, что съ ея смертью вся эта сложная машина должна будетъ остановиться, не разъ заставляла старуху задумываться, въ особенности послѣ крушенія проэкта о передачѣ всего дѣла въ руки внука.

— Что-жъ, такъ, значитъ, Богу угодно, — говорила она сама себѣ. — Поступлю иначе: деньги и недвижимости завѣщаю внуку, а дѣло — старшимъ приказчикамъ, пускай они за меня Господу помолятся.

Но подобныя мысли не часто приходили Анфисѣ Матвѣевнѣ въ голову. Здоровья она была очень крѣпкаго и сама еще надѣялась прожить пятнадцать-двадцать лѣтъ.

(Продолженіе будетъ.)

ОПИСАНІЕ РИСУНКОВЪ.

Въ одиночествѣ. (Къ рис. на стр. 545.) Онъ уѣхалъ, уѣхалъ далеко, на поля Манчжуріи, сражаться за святую Русь. Она осталась одна и проводитъ время въ ожиданіи вѣсточки изъ далека среди своихъ пернатыхъ друзей, которые такъ привыкли къ своей хозяйкѣ, что безбоязненно влетаютъ въ комнату и съ удовольствіемъ клюютъ разсыпанныя зерна. Съ грустью смотритъ она на голубей и ей кажется, что, будь у нея крылья, она умчалась-бы туда, гдѣ слышны гулъ и грохотъ орудій, а не стояла-бы въ одиночествѣ, въ ожиданіи чего-то невѣдомаго отъ того, кто теперь такъ далекъ отъ нея.

Въ своемъ саду. (Къ рис. на стр. 553.) Густо и пышно разросся садъ. Фруктовыя деревья въ весеннемъ цвѣту, полные аромата цвѣты на грядкахъ тѣснымъ кольцомъ окружили домикъ, который бѣлымъ пятномъ выдѣляется среди зелени. А вотъ и хозяйка сада. Съ заботливостью и любовью ухаживаетъ она за цвѣтами своего сада, съ удовольствіемъ смотритъ и на только что распустившіяся махровыя головки розъ и на бархатные лепестки анютиныхъ глазокъ. А кругомъ ароматъ, разносимый повсюду теплымъ вѣтеркомъ. Хорошо въ саду, такъ хорошо, что не хочется и выйти изъ него, и, вѣроятно, хозяйка пробудетъ въ своемъ саду до вечера, любуясь разноцвѣтными головками цвѣтовъ.

Ласточки. (Къ рис. на стр. 559.) Солнышко пригрѣло и дѣтвора высыпала за околицу. Весело имъ среди безконечныхъ полей, наигрались, набѣгались они и теперь усѣлись для отдыха на плетень. Усѣлись, словно ласточки, что рѣютъ въ синемъ воздухѣ надъ дѣтскими головками. Щебечетъ дѣтвора между собою, далеко-далеко разносятся въ тихомъ воздухѣ голоса, а солнышко поднимается все выше и выше и грѣетъ золотистыми лучами дѣтокъ, радостно смотрящихъ на Божій міръ, проснувшійся послѣ суровой зимы, вздохнувшій полной грудью,—грудью, теперь не закрытою снѣгомъ, а украшенною зеленою травою съ душистыми цвѣтами.

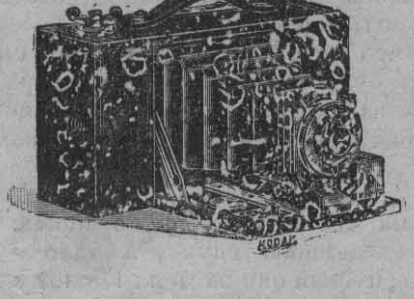
Болотниковъ предъ царемъ Василіемъ Іоанновичемъ Шуйскимъ. (Къ рис. на стр. 561.) Послѣ смерти Лжедимитрія на русскій престолъ былъ избранъ князь Василій Шуйскій. Но, несмотря на это, смута въ русской землѣ не улеглась. Недовольные избраніемъ Шуйскаго бояре волновались, составляли дружины и воевали съ царскими войсками. Военное счастье мѣнялось, брали верхъ то мятежные бояре, то царскія войска. Но, наконецъ, счастье улыбнулось дружинамъ царя Василія Іоанновича. Его войска осадили мятежниковъ въ Тулѣ. Терпя голодъ, мятежники толпами перебѣгали въ царскій станъ, винились, требовали милосердія и находили его всѣ безъ исключенія. Относительно сдачи Болотникова, одного изъ вождей мятежныхъ войскъ, Карамзинъ разсказываетъ слѣдующее.

«Главные злодѣи еще нѣсколько времени упорствовали; наконецъ, и Телятевскій, Шаховскій, самъ непреклонный Болотниковъ извѣстили Василія, что готовы предать ему Тулу и самозванца Петра, если царскимъ словомъ удостовѣрены будутъ въ помилованіи, или, въ противномъ случаѣ, умрутъ съ оружіемъ въ рукахъ и скорѣе съѣдятъ другъ друга отъ голода, нежели сдадутся. Уже зная, что новый Лжедимитрій недалеко, Василій обѣщалъ милость,—и 10-го октября бояринъ Колычевъ, вступивъ въ Тулу съ воинами московскими, взялъ подлѣйшаго изъ злодѣевъ, Илейку. Болотниковъ явился, съ головы до ногъ вооруженный, предъ шатрами царскими сошелъ съ коня, обнажилъ саблю, положилъ ее себѣ на шею, палъ ницъ и сказалъ Василію: «Я исполнилъ обѣтъ свой: служилъ вѣрно тому, кто называлъ себя Димитріемъ въ Сендомирѣ; обманщикъ или царь истинный, не знаю; но онъ выдалъ меня. Теперь я въ твоей власти; вотъ сабля, если хочешь головы моей; когда-же оставишь мнѣ жизнь, то умру въ твоей службѣ, усерднѣйшимъ изъ рабовъ вѣрныхъ». Онъ угадывалъ, кажется, свою долю. Миловать такихъ злодѣевъ есть преступленіе; но Василій обѣщалъ и не хотѣлъ явно нарушить слово: Болотникова, Шаховскаго и другихъ начальниковъ мятежа отправили, вслѣдъ за скованнымъ Илейкою, въ Москву съ приставами».

Плаваніе тихоокеанской эскадры. (Къ рис. на стр. 569.) Изъ послѣднихъ номеровъ нашей газеты читатели уже знаютъ, что эскадра адмирала З. П. Рожественскаго благополучно миновала Малаккскій проливъ, изумивъ и устрашивъ своимъ внезапнымъ появленіемъ Японію. Въ настоящемъ номерѣ журнала читатели найдутъ рисунокъ, изображающій отдѣльные эпизоды изъ плаванія этой эскадры: 1) выходъ изъ Либавы, 2) въ Индійскомъ океанѣ, 3) флагманское судно, броненосецъ «Князь Суворовъ», 4) на марсѣ и 5) въ китайскихъ водахъ.

РЕДАКТОРЪ-ИЗДАТЕЛЬ А. А. Каспари. РЕДАКТОРЪ Ник. А. Каспари.

ДВА НОВЫХЪ
КОДАКА



№ 2
СКЛАДНОЙ БРАУНИ КОДАКЪ

даетъ снимки размѣра 6½×9 сант.,
заряжается катушкой
№ 2 Брауни Кодака.

Цѣна . . . . . Рбл. 12.

Превосходнѣйшая камера, которую только можно получить за эту цѣну. Отличается красивымъ внѣшнимъ видомъ и прочнымъ изготовленіемъ. Объемъ въ сложенномъ видѣ только 18×9×5 сант. Снабженъ Брауни автоматическимъ затворомъ для моментальныхъ, кратковременныхъ и выдержанныхъ съемокъ посредствомъ спускового рычага. Ирисовая діафрагма. Автоматическая фокусная скала съ тремя дѣленіями. Вращающійся видоискатель и гайки для винта треножника.

№ 2
СКЛАДНОЙ КАРМАННЫЙ КОДАКЪ

даетъ снимки размѣра 9×9 сант.

Цѣна . . . . . Рбл. 30.

Новая модель этого въ высшей степени популярнаго Кодака. Новыя усовершенствованія: быстродѣйствующій апланатъ, ирисовая діафрагма, гайка для винта треножника, автоматическій затворъ F. P. K. для выдержанныхъ, кратковременныхъ и моментальныхъ съемокъ, автоматическая фокусная скала. Многія примѣненныя въ этой камерѣ усовершенствованія дѣлаютъ ее наиболѣе цѣнной изъ всѣхъ, когда-либо предложенныхъ за эту стоимость. Удивительно компактна. Вполнѣ цѣлесообразна. Идеальная камера для діапозитивныхъ работъ.

ПРЕЙСЪ-КУРАНТЫ ВЫСЫЛАЮТСЯ БЕЗПЛАТНО

ВЪ ПРОДАЖѢ У ВСѢХЪ ТОРГОВЦЕВЪ

АКЦ. **КОДАКЪ** КОМП.

С.-Петербургъ, Б. Конюшенная, 1. Москва, Петровка, 15—16.

! Важно ! ОСТЕРЕГАЙТЕСЬ ПОДДѢЛОКЪ ! Важно !

291